

Полищук В.И.
*Ишим, Ишимский педагогический институт
им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского
государственного университета*

КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК ФИЛОСОФИЯ БУДУЩЕГО

В статье решается вопрос о статусе культурологии в связи с проблемой соотношения внутреннего и внешнего, естественного и искусственного применительно к сознанию, поставленной впервые софистами древности. Утверждается, что сегодня именно культурология взяла на себя функции философии.

Ключевые слова: культура, культурология, философия, софистика, постмодернизм, техника.

The summary: in article the question on the cultural science status in connection with a problem of a parity internal and external, natural and artificial with reference to the consciousness, the antiquity put for the first time by sophists is solved. Today the cultural science has incurred philosophy functions.

Key words: culture, cultural science, philosophy, a science, a postmodernism, technics.

Раздел культурологии, который принято называть философией культуры, есть комплекс идей и представлений о соотношении внутреннего (неверифицируемого) опыта мышления и мира культурных ценностей. Этот мир не нужно понимать только как внешний, видимый, он может быть и внутренним, т.е. содержанием сознания. И все же по отношению к неверифицируемому опыту мышления он будет тем же внешним, то есть названным, означенным, но, оставаясь самим собой, «расположенным» в сознании.

Полищук В.И. Культурология как философия будущего

Проблема соотношения внутреннего и внешнего, естественного и искусственного (культурного), применительно к сознанию человека, была впервые поставлена в V в. до н.э. древнегреческими софистами и Сократом. С полным правом их можно назвать первыми философами культуры, а постмодернизм XX века, который решает, в сущности, эту же проблему — современной софистикой [2, с. 6]. И о древней, и о современной софистике нельзя судить по отдельным проявлениям и высказываниям. Историческая роль античных софистов состояла в том, что своим появлением они предопределили коренной переворот в способе мышления, который привел к рождению собственно философии. Идеалом такой философии стали известные слова Протагора: «Человек есть мера всех вещей». В соответствии с ним в философии стал преобладать не образ культурного человека, а человеческий образ культуры.

Если софистика древности предопределила собой переворот в мышлении, то и современная софистика — постмодернизм — должна исполнить ту же роль. Вполне определенно можно утверждать, что появление постмодернизма свидетельствует о своеобразной девальвации образа культурного человека, сформировавшегося под влиянием Просвещения и классической — рационалистической — философии Нового времени. В странах Западной Европы этот образ давно уже не имеет какого-либо решающего значения. Например, политическая эмиграция из послереволюционной России видных представителей культуры и философии воспринималась российской интеллигенцией как кризис отечественной культуры, но западная интеллигенция ничего катастрофического в это не видела. Никакого насилия над мыслью и духовной культурой не видела западная интеллигенция в СССР и в 30-е годы прошлого столетия, когда, казалось бы, любая свободная мысль была под запретом. Когда в 1968 г. советские войска вторглись в Прагу, а в Чехословакии были ликвидированы все общественно-политические и литературные журналы, чешская интеллигенция восприняла это как трагедию национальной культуры. Но, как писал один из ее представителей, если бы подобное — ликвидация журналов — произошло в

Англии или Франции, англичане и французы даже не заметили бы этого: «В Париже даже в самом культурном обществе на званых обедах обсуждают телевизионные программы, а не литературные обзоры» [1, с. 82].

В СССР и в странах бывшего «социалистического содружества» просвещенческий образ культурного человека, благодаря влиянию партийно-просветительской идеологии, задержался на несколько десятилетий. Но в постсоветской России он претерпел те же изменения, что и на Западе. Культура личности определяется сегодня не числом прочитанных книг, а числом — если говорить о книгах — написанных, не духовным содержанием и нравственными принципами, а внешними и очевидными признаками: социальным статусом, званием, должностью, имуществом, принадлежностью к определенному слою, модными на сегодня интересами, связями и моралью. Да и о самой личности можно сегодня сказать, что она не развивается, а конструируется и собирается, подобно механизму.

Впрочем, все это не в диковинку. Сдвиги в мышлении, в представлениях человека о самом себе и о культуре время от времени происходят и повторяются. В свое время о таких сдвигах свидетельствовали древнегреческие софисты, сегодня — философы постмодернизма. Когда-то античная софистика открыла субъективную реальность как внутренний мир человека, противопоставив ее, тем самым, реальности объективной, внешней. Современная софистика, похоже, ее закрывает, то есть устраняет само противопоставление: нет ничего внутри человека, чего бы ни было вовне. Все внутреннее должно быть внешним, сказанным и названным, все — наружу и на продажу!

Но такова логика развития западной (техноморфной) культуры: все незримое, в конечном счете, должно стать зримым, неявленное — явленным. Если восточная культура в том виде, в каком она еще сохраняется хотя бы на уровне представлений, по-женски терпима к недосказанному и вообще к несказанному, то западная «не терпит пустоты», она по-мужски стремится только к сказанному и явленному. И это понятно: человек — раб и инструмент культуры, ее *instrumentum vocalis*. Чтобы

безупречно исполнять свои инструментальные роли, он должен быть «прозрачным», и не таить в себе не выявленное содержание. Он не должен быть криптогенным (от греч. *kryptos* — тайный, скрытый и *genos* — род, происхождение), он должен быть культурогенным. От него уже не требуется даже разумности, то есть быть *HOMO SAPIENSOM*. Точнее, его разумность должна быть открытой и предсказуемой — культурной, а не стихийной. И можно вполне определенно утверждать, что мы являемся свидетелями появления новой генерации человека — *HOMO CULTURUS*. Он проводит эксперименты над своим интеллектом, дурманя его чудовищными идеями и заглатывая невероятные объемы информации, над психикой, меняя едва ли не каждый день свои убеждения и играя совершенно чуждые своему естеству роли, над телом, вплоть до изменения пола. Похоже, что Культура, ставшая для *homo culturatus* Природой и Богом, продолжает лепить человека. Лепить из него свои все более совершенные инструменты, используя при этом, в отличие от прошлого, свой собственный — культурный — образ человека.

Вопрос о статусе Культуры, играющей роль и Бытия, и Природы, и Творца, можно, конечно, отнести к философским. Но в последнее десятилетие ушедшего столетия, когда произошла «разгерметизация» отечественной духовности и образовался философский вакуум, именно культурология взяла на себя функции философии. Философию не могли заменить ни попытки выдать за нее историю философии, ни обращения к постмодернизму, исполняющему роль, как уже было отмечено, современной софистики и имеющему, как и древняя софистика, вполне ощутимый культурологический привкус. Культуролог сегодня в России действительно больше, чем философ [4]. И сегодня происходит не «институционализация культурологии», и не «выделение ее из философии», как полагают многие авторы [5. С. 427], а культурологизация философии, ничего, в сущности, не сказавшей в защиту своего особого статуса. Как и прежде, философия остается все тем же инструментом критики, а все позитивное, что приписывали ей по неведению или из тщеславных соображений профессора от философии взяла на себя культурология — квинтэссенция культуры [3. С. 183].

Сама же культура не «отстывает», не «исчезает» и не «погибает». Эти метафоры относятся скорее к вчерашним представлениям о культуре. Уходят из жизни те, кто считал себя ее творцами. Им на смену приходят инструменты культуры, запросто не только перепоручившие технике роль творца культуры, но и самозабвенно отдавшиеся ей. И это понятно: на ступени цивилизации человек уже просто не может быть автором. В лучшем случае он может быть только агентом техники, которая и берет на себя роль подлинного творца культуры.

А что же с человеком, с его человечностью? С ним, как и всегда, одни проблемы. Какое-то время «звучащий гордо», он явно не удержался на высоте, которую стремился покорить. Ему, по-видимому, вполне подходят роли инструмента культуры и агента техники. В конце концов, хорошо и творчески исполнять свою роль — это ничем не хуже, чем в вечном смятении чувств и мыслей искать ее. А тому, кто хочет служить Богу, а не культуре или технике, дорога к храму по-прежнему не заказана.

Список литературы

1. Кундера Милан. Трагедия Центральной Европы // Проблемы Восточной Европы. Вашингтон. 1994. № 41-42.
2. См.: Land G. The Challenge of Postmodernism // Dialogue. 1996. Vol. 8.
3. Полищук В.И. Термины «культура», «жизнь» и им сопутствующие // Этика, мораль, нравственность: Россия и современный мир: материалы симпозиума.... Тюмень, 2006.
4. См.: Савчук В.В. Культуролог в России больше, чем философ? // Ступени. 1997. № 10.
5. Философия культуры. Становление и развитие. СПб., 1998.